

Рубрики

- [Печатные СМИ](#)
- [Телевидение](#)
- [Радиовещание](#)
- [Интернет-журналистика](#)
- [Экономика СМИ](#)
- [Теория СМИ и массовой коммуникации](#)
- [Социология СМИ и массовых коммуникаций](#)
- [Право СМИ](#)
- [Техника СМИ](#)
- [Массмедиа зарубежных стран](#)
- [Реклама и PR](#)
- [Медиаконвергенция](#)
- [История массовых коммуникаций](#)
- [История литературы и публицистики](#)
- [Медиастилистика](#)
- [СМИ и культура](#)
- [Журналистское образование](#)
- [Научные доклады](#)
- [Рецензия](#)

[Home](#)
 Выпуск №3. 2016г. Шмагун Олеся Валентиновна
 История массовых коммуникаций

Ссылка для цитирования: Шмагун О.В. Известные журналисты в газете «для дворников и лакеев» // Медиаскоп. 2016. Вып. 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2140>

© **Шмагун Олеся Валентиновна**

аспирантка кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, корреспондент «Новой газеты» (г. Москва, Россия), olesya.shmagun@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется период работы нескольких известнейших журналистов в газете малого типа «Петроградский листок» (с 1918 г. – «Петроградский голос»), основной аудиторией которой были городские низы. Они вынуждены были прийти в это издание в 1918 г. после того, как большевики закрыли практически все другие издания в Петрограде. Представители интеллигенции, известные фельетонисты столкнулись с новой для себя аудиторией и оказались не способны говорить на понятном ей языке.

Ключевые слова: малая газета, Александр Амфитеатров, Федор Сологуб, Александр Куприн, «Петроградский листок», городские низы.

На второй день после октябрьского переворота и захвата власти большевики закрыли все наиболее крупные газеты, которые называли буржуазными, на третий день был принят декрет «О печати», дающий уже законное право закрыть фактически любой печатный орган, который не нравится большевикам, в конце ноября была введена монополия на объявления, в январе – декрет «О революционном трибунале печати». К февралю 1918 г. в Петрограде, а также по всей России почти не остается небольшевистских газет. Это история не только о наступлении большевиков на свободу слова, но и о журналистах, которые остались без работы.

В 1918 г. несколько известнейших в Петрограде журналистов пришли работать в газету «Петроградский голос» – одну из немногих, не закрытых большевиками. На страницах газеты так называемого малого типа, основную аудиторию которого составляли дворники, лакеи, извозчики, стали публиковаться известный фельетонист и писатель А. Амфитеатров, писатели Ф. Сологуб и А. Куприн, Д. Мережковский, В. Боцановский – публицисты «Речи» и «Дня». Все они оставались в России до последней возможности.

Штатными сотрудниками газеты в 1918 г. стали Александр Амфитеатров и Федор Сологуб. Рассмотрим их деятельность в «Петроградском голосе». О чем они писали в газете «дворников и лакеев»? Как пытались найти общий язык с новой для себя аудиторией?

«Петроградский листок»

Русские журналисты начала XX в. выделяли три типа газет: «большие» – самые дорогие и влиятельные, рассчитанные на образованные, подготовленные круги читателей; «малые» – газеты небольшие по объему и более доступные по цене, ориентированные на широкие круги читателей; «дешевые» – отличающиеся от других не только низкой ценой, но и качеством¹.

О принадлежности «Петроградского листка» к третьему типу изданий говорит уже его название: если «ведомостями», как правило, называли правительственные, официальные органы или серьезные, претендующие на формирование общественного сознания газеты, повсеместно возникшие в 70–80-х гг. XIX в., то «листки» чаще всего являлись изданиями массового, иногда бульварного типа, более свободными по тону, сенсационными, часто справочными, мало читаемыми «чистой» публикой. Они отличались низкой ценой, специфической аудиторией (швейцары, приказчики, дворники), особым содержанием и формой публикуемых материалов (громкие заголовки, сенсации, обращение к пикантным темам, повышенное внимание к криминальным событиям).

Журналисты, публиковавшиеся в «больших» газетах или «толстых» журналах относились к таким изданиям свысока: считали, что они отнимают у прессы «ореол нравственной власти и умственного нравственного влияния, какие она имела на общество»².

«Петроградский листок» – старейшее издание «листового» типа, оно выходило в Петербурге с 1861 г. В газете все было продумано и устроено для привлечения аудитории, даже бумага, на которой печаталось издание, была выбрана не случайно. Александр Амфитеатров рассказывает, что как-то они – новые сотрудники – предложили издателю печатать газету на бумаге лучшего качества, но издатель наотрез отказался: «Гнусная-то она гнусная, – подтвердил издатель, – но не обижайтесь, господа, если я вам скажу по секрету, что добрая треть нашей публики покупает «Листок» совсем не ради прекрасных сочинений, которые вы в нем печатаете, а ради вот именно этой гнусной бумаги <...> Потому что рабочий и мастеровой человек газету сперва читает, а потом из нее сигарку вертит, –

О «Медиаскопе»

- [Редакционный совет](#)
- [Авторам](#)
- [Контакты](#)
- [Архив](#)

Search this site:

ну и за “Листком” имеется уже многолетняя слава на этот счет, что для цигарок лучше его бумаги нет»³.

Амфитеатров пишет, что до революции о «Петроградском листке» считалось неловким даже упомянуть в порядочном обществе. «Появление литератора с именем на его столбцах было невозможно, как некое неприличное чудо. Когда А.И. Куприн, по неистощимому добродушию своему, дал туда какой-то свой мелкий рассказец, это произвело в петроградском литературном мире впечатление скандала»⁴.

Впрочем, не все разделяли такую точку зрения на издание. Часто крупные писатели оценивали свое сотрудничество в газетах подобного уровня как просветительскую работу, прекрасно понимая влияние таких «Листков» на малограмотное население страны. Н.С. Лесков в письме к Л.Н. Толстому писал по поводу публикации в «Петербургской газете» своего святочного рассказа «<...> Ждал, что похвалите за то, что отстранил в этот день приглашение литературных “чистоплюев” и пошел в “серый” листок, который читает 300 тысяч лакеев, дворников, поваров, солдат и лавочников, шпионов и гулящих девок. Как-никак, а это читали бойко, по слогам и в дворничьих, и в трактирах, и по дрянным местам, а может быть, кому-нибудь что-нибудь доброе и запало в ум»⁵.

В 1918 г. у журналистов почти не осталось выбора, и они пошли работать в «Петроградский листок» (в 1918 г. газета была переименована в «Петроградский голос»). Возглавлял газету журналист, редактор и критик Александр Алексеевич Измайлов (1873–1921) – журналист, беллетрист и литературный критик, достаточно известный в литературных кругах того времени. Он стал главным редактором в 1916 г., по его собственному признанию, с миссией – «олитературить» газету (Александров, 2008: 61). Уже к 1917 г. ему многое удалось сделать.

Вскоре после прихода Измайлова в газете стали появляться фельетоны, репортажи и критические статьи известных журналистов и литераторов. К постоянному сотрудничеству были привлечены А.Е. Зарин и Н.Н. Брешко-Брешковский, коллеги Измайлова по «Биржевым ведомостям». Постоянными авторами «Петроградского листка» были Н.Г. Шебуев, В.И. Немирович-Данченко. Выступают со своими статьями менее известные в настоящее время журналисты: Зайкин, Исаев (к сожалению, установить имена и отчества авторов не удалось; в подписях к публикациям они указывали только свои фамилии, в словаре псевдонимов Масанова такие имена не упоминаются, в литературе по истории журналистики они также не встречаются), Флер (согласно словарю псевдонимов Масанова, Евгений Аполлонович Фидлер⁶), Блерио (нет сведений в словаре), Наблюдатель (нет сведений в словаре), Тиун (Владимир Феофилович Боцяновский⁷), Ведун (нет сведений в словаре), Зрячий (Игнатий Николаевич Герсон⁸).

В последнее время в современной историко-журналистской литературе заметна тенденция к переосмыслению роли малых газет. Ряд исследователей, в числе которых М.В. Сергеев (1996), Н.С. Егорова (2009), говорят о большой роли, которую сыграла «малая газета» в жизни российского общества. Она приучала малообразованную публику к чтению, давала представление об общественно-политической ситуации в России. Редакция «Петроградского листка» в 1917 г. осознанно брала на себя роль просветителей массовой аудитории, что было особенно актуально и необходимо в переломный год российской истории – об этом журналисты пишут в личной переписке (подр. см.: Александров, 2008: 61) и говорят со страниц газеты.

«Подобно зверям, бегущим от наводнения, собрались и столпились на нем всевозможные живые обломки распущенных редакций»⁹

Поток литераторов, бывших журналистов и редакторских работников, готовых к сотрудничеству с газетой после октябрьского переворота, оказался настолько велик, что главному редактору издания Александру Измайлову пришлось заготовить типовые бланки, на которых он рассылал многочисленным отказы, так как у него не было возможности ввести еще кого-то в штат редакции. Так, например, сохранился такой текст: «Я не создаю новой редакции, а взял готовую, с 72 по штату сотрудниками большого опыта и в очень многих случаях очень хороших способностей. Моя задача только перевести газету последовательно в другие тона, и сейчас мне уже видно, что сотрудники за незначительным исключением могут и должны оставаться на своем месте» (цит. по: Александров, 2008: 60). Из этого письма видно, что новый редактор не пытался полностью изменить тип издания – его реформы носили осторожный, точечный характер. Впрочем, после Октябрьской революции он все же привлек к сотрудничеству новых авторов. С января 1918 г. в газете практически ежедневно печатаются А. Амфитеатров и Ф. Сологуб. Приход двух новых авторов, как нам кажется, существенно изменил «физиономию» издания. Они выделялись и по стилистике, и по тематике. Статьи, стихи и фельетоны печатались на первых страницах издания и занимали существенное место на полосе. Получив возможность обращаться к новой для себя аудитории, авторы, кажется, не смогли ею как следует воспользоваться.

Амфитеатров в «Петроградском голосе»

Статьи Амфитеатрова в «Петроградском голосе» – это чаще всего либо интервью с интересными собеседниками на злободневные темы, либо классические фельетоны, высмеивающие политических деятелей и политическую ситуацию. Они помещались, как правило, на первой полосе «в подвале», либо на второй полосе. (Первые полосы «Петроградского голоса» отдавались под беллетристику и аналитику, последние – под новости и короткие сообщения. То есть важное событие сначала попадало на последние полосы в виде новости, а уже в следующем номере на первых полосах его комментировали ведущие журналисты издания. На второй полосе также часто появлялись юмористические картинки или небольшие стишки на злободневные темы).

Первая статья Амфитеатрова появляется в газете в № 2 от 4 (17) января 1918 г. В статье журналист рассказывает о новой болезни, которая охватила Петербург, – параличе. Структура статьи типична для Амфитеатрова: это, по сути, несколько интервью с вопросами журналиста и ответами разных героев. Сначала горничная рассказывает Амфитеатрову, что ее мать сразил паралич, потом приводится разговор с врачом, который говорит, что эта болезнь все чаще встречается среди городских жителей из-за холода, голода и общего нервного напряжения. Через частный, вроде бы непримечательный случай Амфитеатров показывает, как изменилась жизнь в городе, каким образом на жизнь горожан влияет политическая ситуация и хозяйственная разруха в Петрограде.

Набор тем Амфитеатрова достаточно разнообразен. Он пишет о том, как крестьяне привозят в Петроград продовольствие и сталкиваются с поборами и грабежами со стороны нового правительства, о сложностях перехода с юлианского на григорианский календарь, о том, как живется в деревне в постоянном страхе возможной «экспроприации». Но большая часть его статей посвящена, конечно, большевикам и их политике. Он высмеивал личности Троцкого, Ленина, Луначарского и других большевиков, иронизировал по поводу их неумелых попыток наладить экономическое положение в стране, он показывал, как они не умеют вести войну или заключить мир. То есть позиция Амфитеатрова соответствовала общему направлению газеты, не принявшей Октябрьской революции и не признающей большевиков.

До прихода Амфитеатрова в газету большевиков критиковали в аналитических статьях, а не в фельетонах. Фельетоны для «Петроградского голоса» раньше писал журналист под псевдонимом Зрячий (настоящее имя, согласно Словарю псевдонимов Масанова, – Игнатий Николаевич Герсон (см.: Александров, 2008: 397)). Они были посвящены бытовым темам и зарисовкам из жизни прислуги, дворников, лакеев – то есть, из жизни основной читательской аудитории газеты. Фельетоны Амфитеатрова совсем другие.

«...г. Леону [так в тексте. – *О.Ш.*] Бронштейну-Троцкому должны были быть чужды великорусские свойства, как положительные, так и отрицательные. И первых он, действительно, не обнаружил ни единого. Зато во второй категории он, ко всеобщему удивлению, являет себя настолько типическим великороссом, что придумать подобное мог бы лишь Щедрин, да и то в самом диком припадке сатирического “самооплевания”. Сие последнее тоже, как известно, принадлежит к числу определяющих признаков великоросса»¹⁰.

Все это написано хлестко и остроумно, но мог ли неподготовленный читатель уловить иронию и понять смысл. «Типический великоросс», «дикий припадок сатирического самооплевания», «определяющий признак великоросса» – сложные слова и грамматические конструкции, отсылка к литературе без каких-либо пояснений.

Или пишет Амфитеатров о том, как смело большевики берутся за самые сложные государственные вопросы без каких-либо сомнений в том, что смогут их разрешить. «Сейчас всероссийский Бубнов не только уважает самого себя, но, можно сказать, провел через свою восхитительную особу первый меридиан, по которому от себя всю вселенную измеряет и все события числит. Мировую социалистическую революцию зажигает, Либкнехта из тюрьмы выпускает, Залкина с Каменевым посылает грозить державам указательным перстом. Теперь Россию оглашает уже не мармеладовский плач, а горбуновское самоудивление:

– И скажи ты мне, Вавило Митрич, почему я сегодня так много собою доволен?

Кукольник: прикажите, я и акушером буду»¹¹.

Мы приводим тут только отрывок из статьи, но даже в этом небольшом фрагменте содержатся отсылки к четырем писателям, трем литературным произведениям и двум литературным героям. Причем читатель должен понимать, кто такой Мармеладов и в чем трагедия этого героя, читатель должен помнить, что во введении к «Господам ташкентцам» Салтыков-Щедрин описывает свой разговор с писателем Кукольником, в котором звучит эта фраза про акушерство. Только тогда ирония Амфитеатрова будет понятна. Под Бубновым Амфитеатров, видимо, имеет в виду героя пьесы М. Горького «На дне» – скептика и фаталиста, под Горбуновым – автора сцен из быта городского мещанства и крестьянства последней трети XIX в., исполнителя своих рассказов, писателя и актера И.Ф. Горбунова (1831–1896 гг.).

Политические фельетоны Амфитеатрова выходят вместе со статьями давних журналистов издания – А.Е. Зарина, Н.Г. Шебуева, которые также писали статьи на злободневные общественно-политические темы. Но эти статьи имели разъяснительный характер: людям рассказывали про какой-то конкретный случай и говорили о том, почему это плохо и что это значит. Для того чтобы понять то, что они хотели сказать, не нужно свободно ориентироваться в именах литераторов и в глубокой подоплеке их художественных произведений. А ирония, содержащаяся в фельетонах, подразумевает, что человек разбирается в предмете насмешки.

Вот, например, как пишет о большевиках Зарин, комментируя слухи о том, что они планируют разогнать Учредительное собрание.

«Партия большевиков, в сущности, бессильна, в ней нет главного – нравственной силы и людей, могущих быть вождями.

То шпион, то провокатор, то трусливый заяц. И вся сила их в широком поощрении самых низменных инстинктов: солдату – “беги с позиций; открыто трусь”; хулигану – “громи, грабь; все твое”, мужику – “бери землю, руби лес, забирай скотину»¹².

Мы знаем, что автор оказался не прав, недооценивая большевиков. Но, по крайней мере, чтобы понять то, что он хочет сказать, не нужно свободно ориентироваться в именах литераторов и в глубокой подоплеке их художественных произведений.

Описывая III Всероссийский съезд Советов, который открылся, как и Учредительное собрание, 5 января, журналист говорит о ликовании большевиков и объясняет, почему считает это ликование неуместным.

«Когда мы видим, что вся эта музыка, все эти крики восторга и речи, все эти торжества происходят в обстановке отгораживания китайской стеной от всего мира и прежде всего от нашей безотрадной, прямо кошмарной действительности, то мы не можем отнестись к этому иначе, как с чувством огорчения.

Может быть, золотой век, который сулят нам большевики, и наступит когда-нибудь на земле, но придет к нему человечество не сейчас и не путем переворотов, которые угрожают катастрофой, а планомерным движением к раз намеченным целям, путем осуществления сложного и верного расчета, с карандашом в руках»¹³. Упрекая правительство большевиков, журналисты пытаются объяснить своим читателям, почему оно заслуживает упреков.

Характерен и выбор Амфитеатровым тем для фельетонов, например, о налоге на ванну или налоге на роуаль.

«Проекты налогов падают именно как проливной дождь. Но, к сожалению, безденежья и чудовищного оскудения не смывают, а уносят с лица ее как раз то, что культура и здоровье народа требуют охранять и развивать.

Я понял бы обязательство, наоборот, в каждом бедном доме установить ванну. Тут нет борьбы с излишеством, тут борьба с первоочередностью.

Сегодня оклопеем, завтра облошимся, послезавтра обшивеем...»¹⁴

Сколько человек в Петрограде имели дома ванну? Какой процент читателей из городских низов имел доступ к таким санитарным условиям? Вряд ли проблема налога на ванну была важной для основной аудитории «Петроградского голоса». Судя по всему, работая в издании малого типа, Амфитеатров продолжал обращаться к своей привычной аудитории, которую затрагивали налоги на роуаль и на ванну, которая могла понять и оценить его иронию. И вряд ли он думал о том, что интересно и важно для уже сложившейся специфической аудитории газеты, в которую он пришел работать.

Федор Сологуб о страданиях интеллигенции

Сологуб выступает в «Петроградском голосе» с рядом публицистических статей и стихотворений. Практически все его статьи так или иначе посвящены проблемам интеллигенции в Петрограде.

Исходной точкой для Сологуба является то, что интеллигенция – это лучшие представители нации, которые очень много сделали для простого народа.

«Наша идейная интеллигенция, к которой теперь так враждебно относятся некоторые круги, также, кажется, сохраняет признательность к народу, уж не знаю за что. И со своей стороны надеется дожидаться от него благодарности за труды на пользу и на благо народа, труды, всем нам ведомые»¹⁵.

Интересно, кого Сологуб имеет в виду под «всеми нами»? Либо он обращается к своей привычной аудитории, единомышленникам, самим интеллигентам, которые хорошо знакомы с основными направлениями и развитием русской общественной мысли от «Современника» Белинского до плехановского «Единства» и кадетской «Речи»; либо он всерьез считает, что привычная аудитория малой газеты, то есть городские низы, в курсе истории русского освободительного движения. Казалось бы, работа в малом издании – это и есть возможность обратиться напрямую к народу, объяснить, за что он может быть благодарен интеллигенции, но Сологуб этого не делает.

Рассказывая об интеллигенции, он использует максимум эпитетов. Вот описание юбилея одного из друзей писателя, на котором Сологуб присутствовал. «Люди собрались в высшей степени почтенные, во всех отношениях хорошие, великодушные, честные, истинные представители нашей прекрасной героической интеллигенции, той, которая все свои силы посвящала всегда на самоотверженное служение народу...»¹⁶

Семь определений в превосходной степени в одном предложении. Не просто почтенные, но в высшей степени хорошие – во всех отношениях. Судя по всему, автор и себя причисляет к людям героическим, что производит чуть ли не комическое впечатление, хотя ситуация, конечно, не комичная. Брать на себя роль непризнанного, не оцененного героя, не желающего никому ничего объяснять, – не лучший способ найти общий язык с толпой.

Уже к январю 1918 г. Сологуб уверен, что Россия погибает и не видит никаких путей спасения страны. Кажется, он не ощущает и необходимости бороться, оставляя надежду, что когда-нибудь потомки смогут противостоять большевикам. «Людей, любящих Россию, совсем не так мало, а в грядущих поколениях их будет гораздо больше. Пусть теперь с Россией покончено, – настанет время, когда наши дети захотят восхвалить и восстановить Россию»¹⁷.

То же настроение и в стихах, которые он публикует: апатия, нежелание делать что-то, нежелание вступать в дискуссии, убеждать – только страдать и предекать страдания:

«Нейдем дорогой дальнею,
У нас пути могильные.
Мы немощью печальною
Отравлены, бессильные»¹⁸.

Сологуб не снимает ответственности за то, что происходит в стране, с интеллигенции. После убийства в больнице видных членов кадетской партии А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокوشкина он напишет, что в их

смерти виноваты все.

«Может быть, никто из нас не свободен от упрека в том, что говорил злые, неосторожные слова. Может быть, у всех у нас в сердцах кипели злые чувства против сограждан наших, и мы неосмотрительно обнаруживали эти чувства перед людьми, слишком простыми и прямолинейными. То, что у нас было партийным ожесточенным спором, в сердцах этих простых и доверчивых людей приняло совершенно неожиданную для нас окраску. Слова, которые были для нас только приемами полемики и цветами красноречия, по неосторожности нашей упали на улицу и для не искушенных в словесности людей прозвучали гораздо живее и ярче, чем для нас, оделись яростною плотью действительного гнева, встали над ними кошмарными призраками и потребовали кровавого дела»¹⁹. Мы видим, что Сологуб признавал: с теми, кто вышел во время революции на улицу с оружием в руках, надо говорить по-другому. Но как говорить с ними, ни он, ни многие другие представители либеральной интеллигенции не понимали.

Известно, что один из партийных товарищей Шингарева и Кокошкина – князь П. Долгорукий – готовил речь к суду над убийцами. Он хотел выступить в защиту матросов, душивших, колотивших и застреливших видных общественных деятелей. Настоящими виновниками убийства в своей речи князь считал верхушку большевистской партии, 28 декабря издавшей декрет, в котором назвала партию кадетов «партией врагов народа» и дала санкцию на их арест. Этот декрет и спровоцировал, по мнению Долгорукова, травлю и убийство Шингарева и Кокошкина.

Интеллигенция, конечно, понимала важность и силу печатного и устного слова. Но почему-то в своих публикациях снова и снова обращалась только к единомышленникам. И редко искала и использовала возможность общаться с новой для себя аудиторией. Это видно и на примере публикаций в «Петроградском голосе» Александра Амфитеатрова и Федора Сологуба.

О «серой» публике

Александр Амфитеатров потом напишет в своих мемуарах, что популярность «Петроградского листка», вместо того чтобы взлететь, сильно упала с приходом известных журналистов и писателей: «Писателей собралось – что зверей на высоком острове при потопе. А тираж газеты, чем больше подниматься, стал падать изо дня в день, с оскорбительной быстротой. Измайловские новшества оказались “не по публике”. Старый, серый, читатель заскучал и отвалился, а новый, ожидаемый, интеллигент, не поверил исстари скомпрометированной форме и не шел под ее вывеску, хотя она обещала и давала самые замечательные имена»²⁰. Другими словами, Амфитеатров рассчитывал на привлечение именно нового, интеллигентного читателя. Старого, привычного он называл «серым».

Журналист обобщает весь период работы Александра Измайлова над «Петроградским листком», но это не совсем справедливо. Измайлов с новыми сотрудниками пришел в газету еще в 1916 г. И до определенного времени «Листку» удавалось оставаться интересным для целевой аудитории. Журналисты, которые работали там, смогли соблюдать баланс занимательного, обучающего, важного и развлекательного. Им было интересно работать с той публикой, которая была у газеты. А Амфитеатрову и Сологубу, кажется, с ней было не интересно. Не удивительно, что и этой публике было не интересно с ними.

Своеобразие русской жизни, с ее сословными разграничениями, наложило свой отпечаток на отношение авторов к разным слоям аудитории. Традиционно самые известные авторы принадлежали к так называемой цензурной общественности, она же составляла круг читателей качественной газеты или «толстого» журнала. Эта интеллигенция в массе своей сочувствовала народу, под которым понимала прежде всего крестьянство, а затем и угнетенный рабочий класс. Но существовал в России очень большой пласт населения, вызывавший почти что презрение интеллигенции. Таких людей называли мещанами и обывателями. К ним-то и относились «швейцары, лакеи и дворяне», на которых работали «листки». В восприятии журналистов, работавших в качественных изданиях, они почему-то не относились к народу и не вызвали сочувствия. Это была сложившаяся веками психология русской интеллигенции. Поэтому Амфитеатров и называл такую аудиторию «серой». Подобное полупрезрительное отношение к читателям «Петроградского листка», видимо, и помешало известным журналистам, людям талантливым, найти общий язык с новым для них читателем. При этом именно этот слой мещан первым приобщился к чтению, по своим интересам был наиболее близок к интеллигенции и мог стать главной опорой для сил либерального толка в России, как это произошло в европейских странах. Пример «Петроградского листка» еще раз показывает, какой разрыв существовал между «защитниками народа» – интеллигенцией и собственно народом, как непросто им было находить общий язык.

Примечания

1. См. напр.: *Пешехонов А.* Русская политическая газета (Статистический очерк) // Русское богатство. 1901. № 3. С. 2–21.
2. *Соколова А.И.* Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1913. № 3.
3. *Амфитеатров А.В.* Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: в 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. С. 211.
4. Там же. С. 213.
5. *Лесков Н.С.* Собр. соч.: в 11 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 1. С. 472.
6. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1960. Т. 4. С. 490.
7. Там же. С. 168.

8. Там же. С. 397.
9. Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 211.
10. Амфитеатров А. Троцкий великоросс // Петроградский голос. 1918. № 10.
11. Амфитеатров А. Кукольники и Бубновы // Петроградский голос. 1918. № 15.
12. Зарин А. В тревоге // Петроградский листок. 1917. № 251.
13. Без карандаша // Петроградский голос. 1918. № 6.
14. Амфитеатров А. О скромнейшем из насекомых // Петроградский голос. 1918. № 18.
15. Сологуб Ф. Спасибо // Петроградский голос. 1918. № 29.
16. Там же.
17. Сологуб Ф. Осколки жизни // Петроградский голос. 1918. № 9.
18. Сологуб Ф. На распутье // Петроградский голос. 1918. № 49.
19. Сологуб Ф. Не я // Петроградский голос. 1918. № 10.
20. Амфитеатров А.В. Указ. соч. С. 211.

Библиография

- Александров А.С. Измайлов – критик, прозаик, журналист: дис... канд. филол. наук. СПб, 2008.
- Егорова Н.С. Газета «Московский листок» в контексте периодической печати России: дис... канд. филол. наук. М., 2009.
- Сергеев М.В. Формирование массового читателя второй половины XIX в. (на примере петербургских городских газет): дис... канд. филол. наук. СПб, 1996.